

Мунё
Слышу

Сказка для взрослых в четырех сюитах

Мунё Мунё Слышу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10748987

ISBN 978-5-4474-0847-3

Аннотация

Это история о мальчике, который складывает мелодии на пишущей машинке. Он живет в доме воздуховывувателей и ежедневно занимается китайской гимнастикой с доктором, потому что с медицинской точки зрения он глух. Герой переживает первые сомнения и любовь, познает метафизику слова, воспитывает шпиона и выращивает ветры. Случайные гости неизбежно влияют на его жизнь и меняются сами, сталкиваясь с иными порогами слуха. Вместе их истории сплетаются в многоголосую, забавную и грустную мелодию «Слышу».

Содержание

Сюита 1	6
Сюита 2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Слышу

Сказка для взрослых

в четырех сюитах

Мунё

© Мунё, 2015

© Натаниэль Армстронг, иллюстрации, 2015

Корректор Людмила Алексеевна Вакулич

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

World's last typewriter factory ends production.

Indian company Godrej and Boyce became the last in the world to stop producing mechanical typewriters in 2009 and now has just a few hundred remaining. All the manufacturers of office typewriters stopped production, except us,» said Milind Dukle, general manager of operations at Godrej and Boyce Manufacturing Company. At one point in time the typewriter was seen to be a status symbol, according to Samar Mallick of typewriter seller Mallick Company, and used models do still prove popular. However, he also told the news provider: «Who needs typewriters now!»

Сюита 1

«С медицинской точки зрения»

Затаив дыхание, готовый к прыжку труса, он смотрел на зверя – под столом отдыхал тигр, белый, с синими разводами на лоснящейся перламутром шерсти. Может напасть, и придется драться. Если тигр победит, то он истечет кровью и умрет. Если зверь сдастся, то наверняка рассыплется фарфоровой пылью и доски пола будут танцевать под ногами беснующихся зрителей. Толпа тоже была опасна. Длинные и большеротые, они будили хлесткие ветра, и тогда из потревоженных карманов его сыпались фрукты и фантики. Он беззвучно прокрался вдоль стены к выходу и, закрыв за собой дверь, облегченно выдохнул.

Тишина приветствовала его, сонно моргнув запыленными окнами.

В оранжерее было холодно и пахло ветхостью. Окна покрылись молодым льдом – поздняя осень дышала в стекла, заглядывая на тусклое тепло огня в камине. Подмерзшие яблоки падали на пол и катились под комод, расплескивая слежавшуюся пыль. Бабушка, припорошенная дремой, похрапывала в чахлом кресле. С редких ресниц ее пушилась плесень.

Охотник собрал сон с морщинистого лица и спрятал в кар-

ман, подоткнул плед под кукольные ноги, подвинул кресло ближе к огню. Подбросил пару поленьев – как камень в воду, пошли круги потревоженной тишины, и гуще посыпались яблоки. Одно неприятно ударило по голове, он тоже засунул его в карман – пригодится на обратном пути.

Он выдержал должную визиту вежливости паузу и пожал крошечную руку, заканчивая беззвучную беседу.

На днях отцу принесли посылку. Тяжелую и пузатую. В ней вполне можно было спрятаться, подтянув колени к ушам. Коробку торжественно внесли в оранжерею и оставили на столе привыкать к новому климату.

Желтая, с наклейками, издалека. Пахнет чужим, обильным дождем. Прелостью масляных листьев, огромных, с парадную скатерть. Пахнет густо, как лужи с дождевыми червями. Как промокшее сено в сарае.

Вполне может быть, что это новое грозовое облако для комнаты плача. Придавленная скорбящей теменью и эфирным запахом лекарств, постель матери определяла влажный климат стыдливого нетерпения в этой комнате. Облака клубились над постелью, проливаясь душными рыданиями. Влажная рубашка прилипла к спине, когда его пускали посидеть на краю прожорливой кровати, где тускнело ущербной луной худое лицо. Сезон дождей закончился вдруг, выстрелом траурного безмолвия – в спальне поселились засуха и нетронутые покрывала. Тучи заколотили в деревянный ящик с иконой в дубовом лбу и изгнали из дома, перенеся

через порог. С тех пор полы поросли тоской, распространяя горький запах запустения.

Охотник знал тропу в комнату плача. В пронзительные ночи, напуганный бившимся в окно садом, он спешил по пересохшему руслу реки в шкаф, хрустящий бумажными цветами, где с головой зарывался в мамины платья. Вещи пахли корочками апельсина, и он засыпал в уютной темноте, завернутый в сны о тех ранних днях, когда полная луна стояла высоко в сытом звездами небе.

Посылка. Свежая и чужая среди пыльного одичания вранды. Картонные углы надежно оклеены изолентой, чтобы нельзя было, поковыряв пальцем, заглянуть в таинственное там. Поднять тоже не получалось – слишком тяжела. Лишь сдвинуть, прочертив на столе треугольник чистоты. Он серьезно подумывал вскрыть коробку, но его сдерживали опасения, что за этим могли последовать сотрясения воздуха. Особенно его беспокоила тетка – сомнительное изобретение бабушкиной непоследовательности в выборе кроватей.

Тетка – сокрушительное устройство воздуховыдувания. Ее держали под стражей в комнате сна, где она лежала лохматой горой в маринаде занавешенного света. Ржавые пиявки пружин ввинчивались в ее тело, подпитывая подозрительностью, пока она шурилась в открытую дверь. Пожалуй, ей он предпочитал острые когти тигра.

Однако он забылся: под ногами натянулись доски пола, застав его врасплох. Дрема заколыхалась и лопнула под ве-

сом дрогнувшей двери, как раздавленная ягода. Отец, длинный и небритый, подошел к столу, взбивая небрежными ногами половицы.

– Последняя в мире.

Он по-дирижерски грациозно опустил руки на коробку.

– Откроем?

Охотник не ответил. Любопытство играло, и взрыв, подзревая, был неизбежен.

«Только бы не облако».

Он покусывал щербатый край стола, крепко схватившись за спасительную поверхность, пока торжественные пальцы вскрывали квадратное тело.

«Только бы не облако».

Сад затаил дыхание. Яблоки выстроились парадными тройками и промаршировали под комод.

«Только не облако».

Охотник зажмурился, ожидая ударную волну. Отец напрягся и вывернул содержимое:

– Опля! Красавица!

«Не облако».

«Не облако».

Прошло мгновение, и его ободряюще похлопали по затылку.

Среди разорванной бумаги и пластика стоял он. Черный и блестящий, как жук.

Блестящий и редкий.

Возможно, единственный в мире.

Подарок из влажных джунглей.

Не двигается. Затаился.

«Смотри», – отец тронул круглую, как пуговица, клавишу.

«Та!» – сказала пуговица.

Охотник вздрогнул: «*Пуговица сделала что?!*»

Отец нажал еще раз. И еще:

«Та! Татататата! Та!»

Он чуть не упал. «*Пуговица сделала что?*» – не верил он своим чувствам.

И потом вдруг, словно яблоко с потолка:

«Ой!» – прямо по носу.

Он чихнул, развернулся и побежал прочь, брызгая тишиной. Мимо тигра, по коридору, в апельсиновый шкаф.

«Хватит носиться! Идиот!» – хлестнуло за его спиной.

Сердце громко билось в ребра черной блестящей пуговицей, взрываясь на задворках темечка удивительным «тататата...». Он зажмурился и восторженно слушал:

«Тататата...»

Дождь ходит по крыше.

«Тататата...»

Капают с веток тени яблок.

«Тататата...»

Брызгают жаром на огне котлеты.

«Тататата...»

Отвечают пульсом прижатые к голове запястья.

В доме тишины ночью тоскливо.

Ясное дело, он не спал. В голове все еще отзывалось эхо органа: «Татата...». Небывалое дело. Невероятное даже. Вполне могло быть, что ему померещилось.

Он мял в горячих ладонях сомнения уши, пока не решился – стоит проверить.

Охотник замер в дверях, улавливая вибрации вафельных стен: в комнате тетки кровать исходила ржавым плачем. Он осторожно пробрался мимо запертых в снах спален, стараясь не тревожить воздух, прошептал пароль и вошел в оранжевую.

Луна лежала на полу оконными дольками. Воздух спал, и в нем темной дырочкой молчал орган.

Охотник вскарабкался на стол и, справившись с волнением, вдавил наугад блестящие кнопки. Машинка хрюкнула, отбив на бледном листе бумаги:

«КД».

Этого он не ожидал. Поскреб бумагу ногтем, послунывил – пятно не сходило. Он попробовал снова.

Орган заикнулся:

«>»

Откашлялся:

«пргшх»

Потом тонко завыл:

«еееееаааааииииооооо»

И вдруг замолчал, подавившись:

«_.»

Охотник ждал.

«Ой!» – позвала машинка.

И добавила: «Дк».

«Ой-дк», – повторила она настойчиво.

Он кивнул: «Ой-дк».

Конечно!

Он был так поражен, что вскрикнул, вспугнув тихую ночь. Двери хищно моргнули желтым глазом, поднялся ветер – прозевал. Он мигом слетел со стола, больно ударившись, и нырнул в раскрытые ворота.

«Ах ты паразит! – волновала воздух вслед за ним тетка. – Спать, недоделанный! Спать!»

Его спальня спешно захлопнулась, одеяло прикрыло забористый хохот, и все снова замолчало. Но уже совсем не было тоскливо.

За завтраком отец показал исчерниленный лист и сердито потряс пальцем. Охотник виновато опустил голову.

Где-то там, среди черных значков, пряталось его имя:

Ой-дк. Хлюп тонущего в молоке печенья.

Ой-дк. Всплеск осинового зуда под крышей погреба.

Ой-дк. Полет вишневой косточки в миску.

Ой-дк. Лопаются пузыри на мыльных руках.

Ой-дк. Маятный бег кресла с короткими, кривыми ногами.

Он рассмеялся, чуть не подавившись компотом.

– Что ты хохочешь, придурок? – тетка гневно тряхнула столовыми приборами. – Все ржет и ржет!

– Наталья, не выражайся.

Газетный лист взлетел над столом и утопил конец в соуснице. Бабушка солидарно трясла тонкой шеей, прикрыв птичьими глазами.

– Спать не дает.

– Не бесись.

– Идите вы...

Теткин стул натянулся и опустел.

Отец, перелистнув страницу, продолжил читать.

После завтрака бабушку отвезли дремать на веранду, а охотника оставили одного. «Тататааа, тататааа», – напевал он грустно в ожидании предстоящей казни.

«Та-та-та», – поднимается Ой-дк на свежий эшафот. Прощально дергает руками под тревожный гул толпы: «Таааааа, таааааа». Взлетает звонкой грозой кожаный ремень – и охотник сжимается в ожидании хлесткой боли... Будет ожог.

«На, – вернулся отец и поставил перед ним машинку. – Тебе нравится, да? Смотри...»

Он вставил лист бумаги, покрутил ручку, пока край не по-

казался над клавишами.

«Это А», – пропечатал он пальцем, и запахло сырым тестом.

«Это О», – тяжело прогнулась теткина кровать.

«А это – пробел». Нетронутые простыни в комнате грусти.

Сухой пробел ему не понравился.

«Ну как? Интересно? Играй».

Помилование неожиданным вопросом повисло в воздухе.

Толпа разочарованно поникла и расползлась по комнатам.

Его похлопали по затылку оставили с машинкой вдвоем.

Они молча рассматривали друг друга.

– *Ой-дк*, – наконец представился он.

– *Я знаю*, – кивнул задиристо орган.

– *Можно?* – вежливо попросил Ой-дк.

– *Пожалста*, – тряхнул тот белой манишкой.

Охотник глубоко вздохнул и опустил руки на клавиши.

Гость прочистил горло, поплевав на лист чернилами, и неровно запел, постепенно набирая в голосе силу:

«прв..»

«првзкду.._»

«првзкдутфюм. яю»

Орган играл звуками-самоцветами, источая чудные ароматы ванили, клея и жженой резины, вареной сгущенки и свежеекрашенной веранды:

«\ë2жа95ро»

«\ë2жа95ро.\па-=»

«\ë2жа95ро.\па-=фыре54..1\,, (;»

– *Как называется это?* – срашивал Ой-дк, и машинка терпеливо, знак за знаком, объясняла, обогащая его коллекцию имен:

«апое)»

«апоещрлть)»

«апоещрлтьмадвхфхлв-ю\.повызк.. датп. Э \ахфьфтаФиее-еёоот.,Ёоо»

В столовую заглядывали любопытные лица, рты ухмылялись, но Ой-дк не обращал внимания. Некогда. Он самый богатый помилованный во всем королевстве безмолвных. У него во владении оказались поразительные звуки. Пронзительные, как семечки красного перца, «Та-та!». Однажды он надкусил такую перчину, и она обожгла ему рот, пока толпа топала от восхищения ногами.

Заразительные звуки, как безудержный грозовой смех от самых пяток.

Та-та!

Ой-дк схватил и повторил все, что услышал. Сверху и до самого доньшка. Он устал, проголодался, но ему не терпелось поделиться кружившим голову открытием. Он сполз со стула и направился к отцу.

Отец качался в кресле, утопив взгляд в книге. Он погладил сына за ушами, поцеловал в макушку и продолжил чи-

тать мятый детектив. Кровь капала с бумажного корешка, растекаясь на полу чернильной лужей.

«Ну, что, – не сдавался Ой-дк. – Еще есть комнаты».

Тетка, хрустнув кроватью, словно придавив ей ногу, прогнала, криво зевнув мутным блюдцем рта. Даже не взглянула на его музыку.

«Не удивительно», – отреагировал Ой-дк.

Он подсунул листки Потапу, и тот, стряхнув блох с хвоста, облизал ему руки. Принюхался, но ничего не понял. Глухой пес.

Без особой надежды Ой-дк показался в кухне. Вареные раки не двинулись с места. Кухарка похлопала влажной рукой по затылку и выгнала прочь.

«Вот те на, – расстроился Ой-дк. – Глухие, как пробки».

Руки его опустились, и значки посыпались под ноги, обнажив нежность бумаги.

– Дело не безнадежно.

Доктор медицинских наук и большого ума человек сидел в удобном кресле напротив.

– Всегда есть надежда, что, возможно, он когда-нибудь заговорит, если у него появится слух.

Лакированный ботинок дергался в такт пишущей машинке, неустанно выбивавшей дробь где-то за стеной.

Отец мальчика, этот не по возрасту и уму одаренный деньгами фермер – одним словом, колхозник, грустил в своем нервном кресле. Ритмичное покачивание утомляло, и доктор перевел взгляд на полки, уставленные китайским фарфором. «Хорошо живут», – подосадовал он, думая о том, что вкус этому фермеру, скорее всего, достался от покойной жены.

Они задумчиво помолчали, словно соглашаясь с тем, что оба коренным образом не согласны друг с другом. В натянутой тишине стук машинки звучал отчетливее, назойливее.

– Что это? – поинтересовался доктор, умно переводя разговор на другую тему.

– Азбука, – в первый раз за всю беседу улыбнулся хозяин. – Он учит буквы. Ему, кажется, очень нравится.

– Забавная музыка, – слегка поморщил нос доктор.

– Вы так считаете? – оживился фермер. – Я тоже улавливаю какую-то систематичность в этих звуках. Вам так не кажется? Некую образность.

– Может быть, может быть, – доктор сочувственно причмокнул, воздерживаясь от комментариев.

Будучи честным человеком, он сокрушенно признавался себе, что единственной причиной, по которой он посещал этот дом, надо сказать, подозрительный и не вполне располагающий к частым визитам, была хорошая плата за его услуги. Помочь он ничем не мог. Глухота есть глухота. Что природа не дала, как говорится, то не дала. Но если в доме есть

деньги, то почему бы и не услужить.

– Может быть, он все-таки что-то слышит? – с мольбой спрашивал отец мальчика.

– Может быть, может быть, – кивал доктор, подсчитывая в уме, сколько еще сможет выжать из этого деревенского олигарха без вреда своему организму.

Сестра фермера была менее доверчивой и более неприятной особой. Что рожа, что задница – один вид. Опасный вид – признавал доктор. Потому старался как можно реже встречаться с ней во время своих визитов.

– Может, смерть Манечки на него так подействовала? – не сдавался отец мальчика. – Может, не с рождения?

Доктор сочувственно молчал.

– Вы знаете, мне кажется, что он что-то да слышит. Ему очень нравится эта машинка. Почему бы? Может, все-таки слышит? – почти со слезами на глазах упрашивал фермер.

– Может быть, может быть, – поддавался уговорам доктор.

– Есть вероятность, что слух еще вернется, – бессовестно врал он, зная, что мальчик абсолютно глух с точки зрения медицины, а потому и с любых точек зрения.

– Все может быть, – удивлялся доктор сам себе, никогда не думавший, что способен так искренне лгать.

Он добросовестно полагал, что его визиты еще понадобятся в этом доме, хотя бы потому, что ему нужны деньги.

– Да чего его лечить?! Глух, как пробка! – орала тетка, скрипя костями кровати, откуда-то из глубины дома.

Отец мальчика растерянно замолчал, и доктору, пусть он и соглашался с женщиной, приходилось начинать заново:

– Дело не безнадежно, конечно. Всегда есть шанс...

В этом месте его ботинок нервно дернулся, едва не выдав холостые порывы нуждавшейся совести.

Глаза фермера оживали.

– Вы так думаете? Вадим Михайлович, пожалуйста, прошу вас... Все, что угодно...

И доктор, напустив задумчивую серьезность на молодое лицо, подбрасывал поленья в огонь надежды:

– Можно попробовать одну методу. Ничего не обещаю, но...

Это «но» дорого стоило, конечно. Собственно, за это «но» и выкладывал толстосум небритый свои возвращенные на навозе деньги. О цене они договорились быстро. «Все, что угодно» оставалось в силе, понимал Вадим Михайлович, пока нуждались в его пропитанном сочувствием, убедительном бездействии. В общем, пока не раскусили или не разочаровались.

После беседы просветленный отец провел доктора к дверям столовой, чтобы тот, жертвуя слухом, сам убедился в систематичности бессмысленного стука.

Скрестив под столом ноги, мальчик напряженно и, сказал бы Вадим Михайлович, одержимо хлопал пальцами по кнопкам.

– Да, что-то в этом есть, – соврал доктор, сочувствуя до-

мочадцам.

Возможно, для глухого это тарабарщина имела смысл – так уверенно мальчик бил по клавишам. Но одному богу известно какой и одному ему же ясно, не придурь ли это, как подозревал доктор. Все равно ни черта не слышит. Ну, да чем бы ни тешился...

– Глухарь! – надрывалась из своей спальни тетка. – Хватит барабанить! Задрал уже, недоделанный!

«Согласен», – пробормотал доктор, выходя на крыльцо и облегченно вздыхая. «Тоскливо как тут», – улыбнулся он высокому солнцу. За его спиной тянулось монотонное «та-та-та», подталкивая доктора к авто.

«Тоскливо», – попрощался он.

– Да заберите кто-нибудь у него эту машинку!

– Хозяин не велит. Пусть учится, говорит.

– Да чтоб вас всех разорвало! Тупари! Где он?

– Кто?

– Димка!

– А, хозяин поехал зарплаты выдавать. Получка сегодня.

Буря пронеслась по коридору, зло клацнула входной дверью. В серванте передернулись от сквозняка фарфоровые плечики.

«Так дальше дело не пойдет», – осознал Ой-дк, выгляды-

вая из столовой. Толпа любопытствовала, кривила лица и обдувала его затылок сопливыми ветрами, не давая никакой возможности спокойно работать. Ой-дк и орган сердились, путались и сбивались на нечистые ноты.

– *Ну что, поедем ко мне?* – предложил Ой-дк, потирая немеющие подушечки пальцев.

– *А что у тебя есть?* – встрепенулся орган.

– *У меня есть окно и кровать,* – ответил Ой-дк.

– *Из какого дерева? Ель, клен, сосна?* – любопытствовал гость.

– *Не знаю,* – растерялся он.

– *Не получится,* – загрустил орган. – *Для лучшего звучания нужно дерево.*

Ой-дк приуныл:

– *Что же делать?*

– *Искать,* – сказали пуговицы черным по белому.

И охотник незамедлительно начал поиски. С обеденного стола, за которым сидел. Ой-дк походил вокруг, пощупал, прикинул, пройдет ли в дверь. Обхватил ножку и хорошенько налег. Зря. Стоит, как вкопанный. «Нет, – рассуждал он, – обедать на полу семейные не согласятся – поднимут бури и грозы с обильными подзатыльниками». И отказался от тяжелой затеи.

– *Ищи,* – подбадривал орган охотника.

Ой-дк отправился в путь, повторяя про себя: «Ель, клен, сосна, ель, клен, сосна, ель, клен, сосна...» Он прошел по до-

му, заглядывая в углы и кладовки, спустился в жаркое подземелье, где в духовке выпекалась дичь с грибами. Все дышало и двигалось: вода убежала вдохами в потолок, полдник вытекал в лужи липкого компота, жареный картофель бубнил горячими пузырями, сковорода злобно брызгала слюной на сгоравшие от страха котлеты. И все беззвучно, как и должно.

Ничего, что можно сдвинуть, не привлекая внимания.

Прогулявшись по коридору, он забрел в смотровую башню, где в трещинах иссохшей крыши поселились бабочки. Как истинный ценитель тишины, он восхитился созерцательным спокойствием чердака и нашедшего здесь убежище времени. Тут пахло забродившим уединением, лекарствами и апельсиновыми корочками.

– Наталья, замолчи. Честное слово, прибью.

Тяжелые от мокрой земли сапоги остались в прихожей.

– Он мне все мозги протарабанил! Голова раскалывается!

– Иди спи. Денег дать?

– А пошел ты!.. Сама возьму.

Где-то хрустнула кровать.

– Валентина Сергеевна, можете накрывать к обеду.

Кухня отозвалась укроповым паром, половицы задержались, кастрюли забегали из подземелья в столовую, роняя густые запахи под ноги проголодавшимся.

Выбор пал на тумбочку с покосившейся дверцей и мутными кругами на макушке. Из дерева: ель, клен, сосна. Охотник дождался послеобеденного затишья, когда, наевшись, домовые расползались по комнатам, прятались от стражи в саду, залитом полуденной ленью, или укатывали на авто в неизвестном направлении, пока дороги не замело вечерним снегом. Он прокрался на чердак и после недолгих уговоров потащил тумбочку к себе.

Тихо и легко не получилось. Тумбочка оказалась неуклюжей, и с ней пришлось повозиться на ступеньках. Но отступить было поздно: полпути пройдено, к тому же она из дерева. Так что Ой-дк тянул, пока толстобокая Елькленсосна колотила его раззявленной от страха дверцей. Она была не только глупой, но и не в меру требовательной. Тумбочка хромала на одну ногу – он подложил тапочки, оставшись в носках. Как только машинка села на крышку, Елькленсосна охнула, больно шлепнув Ой-дк по ноге. Дверца открывалась и била по коленям, едва он нажимал на клавиши. Охотник склеил ее скотчем, но тогда стало тесно ногам.

Все расстроились и устали. Иного выхода не было: благоразумно дождавшись ночной темноты, он перетащил тумбочку обратно на чердак.

Домашние столпились в коридоре, наблюдая за движением на лестнице.

– Что это он? – полюбопытствовала кухарка.

– Ты глянь, какой жук навозный, тащит хлам с чердака! – хохотнула тетка. – Совсем ударился.

– Помолчи, Наталья.

– А не пошел бы ты...

– Наталья, убью.

– Ой, да ладно! Ушла! Позови, как еще выступать будет.

Вслед за ней, удивленно качая головами, разошлись и остальные, оставив долговязого фермера подглядывать из-за дверей гостиной.

После долгих и пыльных поисков Ой-дк и орган сошлись на табурете из прихожей.

Как и обещал, доктор вернулся вводить новый метод лечения. Напустив на лицо соответствующую оплаченной цене серьезность, он усадил мальчика с отцом перед собой, насупил брови и замолчал, натягивая струны торжественного предвкушения. «А вдруг, правда, поможет», – подбодрил он себя.

«Прижмите ладони к ушным раковинам», – ловко продемонстрировал сказанное на себе.

Фермер старательно зажал уши. Мальчик, помедлив, робко повторил.

«Теперь побарабаньте тремя пальцами, обеими руками,

пожалуйста, двенадцать раз по затылку. Вот так...» – и пальцы его живо забегали по голове.

Это движение мальчик понял сразу. «Надо же, – усмехнулся Вадим Михайлович, – как наловчился тарабанить на своей машинке».

«В ушах может возникнуть шум, сравнимый с ударами в барабан», – складно рассказывал он фермеру.

«Закончили. Теперь снова плотно закройте уши, надавите слегка, вот так...»

Все трое дружно сжали уши.

«И быстро уберите ладони. Слышите гул? Так двенадцать раз...»

Комната затихла, наблюдая за трио, усердно отбивавшим дробь на затылках.

«Теперь переходим к заключительному упражнению „небесный барабан“», – оповестил доктор, с опаской поглядывая на дверь. Ему показалось, что за стеклом промелькнула чья-та фигура. Только стержозной бабы ему сейчас не хватало.

«Вставьте указательные пальцы, – он подождал, пока мальчик и фермер повторили, – и вращаем ими вперед и назад, вперед-назад. Три раза».

Шла увлеченная работа.

«Вынули. Выполнять тоже трижды. Давайте повторим».

Четвертью часа позже Вадим Михайлович убедительно

закапывал в натренированные уши фермера теорию нового метода:

– Это китайский массаж. Техника была разработана сотни лет назад. Особенно успешно применяется при лечении больных кохлеарным невритом, но и нам может помочь. Видите ли, в чем дело: в затылочной части черепа находится, выражаясь доступно, черепное покрытие, защищающее мозжечок. Постукивания пальцами в этой области, стимулируют его работу. Эффект массажа наиболее ощутим по утрам, но упражнения стоит выполнять и при сильной усталости, то есть вечером, когда ребенок набегается, утомится. Каждый день. А вращения пальцами и похлопывания ладонями по ушам массируют барабанные перепонки. Вместе эти упражнения имеют достаточно сильный эффект... – тут он запнулся, так как не мог определиться со степенью достаточности в случае полной глухоты.

– Но на этом мы останавливаться не будем, – сменил он тему. – Мы совместим упражнения с приемом эмульсии прополиса. Ее изготовили по моему заказу. Я покажу Вам, как закладывать турунды в уши ребенка. Вводить эмульсию будете каждые двое суток в течение двух недель без исключений.

Доктор замолчал, потому как, выйдя в коридор, столкнулся с сестрой фермера.

– Ах, это вы, – выдавил он, ничуть не удивившись легкой дрожи в коленных суставах.

Взгляд измученных наукой глаз уперся в самую кромку укушенных перекисью водорода волос. «Хлопья сухой кожи похожи на снег», – зачем-то подумалось ему.

Широкие кулаки утонули в рыхлых боках, не предвещая ответной вежливости. Отвратительная особа. Исключительно неприятная, когда открывает рот. Зловонная стерва. Вадим Михайлович непроизвольно сглотнул и тут же устыдился, как ему показалось, чересчур громкого побега слюны в сжавшийся желудок.

«Хам!» – брызнула кислота на надушенный подбородок доктора. Крейсер уплыл в одну из дверей, хищно раскачивая впечатляющими бедрами.

«Жениться, что ли?» – в каком-то безумном отчаянии и страхе разоблачения подумалось ему.

– Ради Бога, простите! – лепетал растерявшийся фермер. – Не обращайтесь на нее внимания.

– Ничего, ничего, – торопливо ответил Вадим Михайлович, выгоняя из головы жуткие образы. – Пойдемте, приготовим турунды.

С тех пор как машинка переехала к охотнику, комната скуки превратилась в зал пения. Ой-дк садился на край постели, придвигал табурет, и начинались занятия. Он добросовестно изучал голоса клавиш, аккорды знаков и тональ-

ности бумажных листов, запивая их молоком. Он пробовал силы в простейших этюдах, уверенно подбираясь к вальсам и чардашам.

Уроки так захватывали, что Ой-дк уже не мог вспомнить, когда последний раз ходил в апельсиновый шкаф. Не мог, потому что не вспоминал. С каждым днем горизонты его познаний расширялись, впуская новые звуки и впечатления. Клавиши то выстукивали неровную дробь по вечерним теням бессонного сада, то брызгали мыльной водой, то хрустели стеклом под тяжелыми сапогами или галдели черной стайей над убранными полями.

Теперь, когда Ой-дк столько узнал и многому научился, когда у него появилось имя и он овладел голосом, охотник не боялся выходить во двор, покидая обрисованные забором границы замка, и даже ездить с отцом в гаражи, на склады и в стойла, на поля и луга, в охотничьи уголья и на китовьи фермы, в волшебные сады и дикие леса, запредельное далеко и неведомое там.

Несколько раз отец брал его в соседние имения с белым по синему именами д. ЧАША и РАЙЦЕНТР. Неблагозвучие этих мест восполнялось радостью от самих путешествий. Машина прыгала по ухабам и ямам через леса и поля. Ой-дк открывал окно, позволяя упругому теплому ветру хлестать себя по щекам.

«Пяэсокело! Мфй-+эраблив..\», – напевал он тихо.

«Пяэсокело! Пяэсокало!» – отвечали ухабы.

«Мфй-мфй», – роняли сосны звонкие иглы.

«Пяэ окело! Мф +эр ли», – неумело вытягивал отец, широко улыбаясь.

В д. ЧАША, протянувшейся вдоль вскинутых берегов озера, словно скovyрнутого чьим-то гигантским пальцем, они посещали коровьи дома. Места малоинтересные, больше деловые. Коровы жевали корм, взбивали хвостами воздух. Охотник прохаживался вдоль рядов скучающих глаз и слушал, как медленные, выдaвленные из пастей ветра поднимаются под высокие потолки и густеют в высококалорийные продукты коровьей воздуходеятельности. «Отцово хозяйство», – не без гордости понимал он.

Самым приятным в д. ЧАША были конфеты и пряники, которыми угощали Ой-дк. Безмолвно хлопая губами, тщетно потрясая воздух, чашенцы пихали угощения в его карманы. Ой-дк жалел их и спешил выразить свою благодарность, забрасывая карамель в рот. Глухие и, похоже, немощные на бури люди. Даже не могли пробудить какой-никакой ветер. «Им бы у тетки поучиться», – сочувствовал он сладко.

РАЙЦЕНТР был другим. Аппетитным. В чудесном глазированном доме, в розово-лимонной комнате с длинноухими растениями в горшках жила за длинным-предлинным столом волшебная фея. На ее вздернутом носу свернулись кольцами очки, плечи блестели люрексом, а на столе важно шептались толстые стопки бумаг.

«Сколько музыки!» – восхитился Ой-дк, однако органа в комнате не нашел.

– Да вы что, издеваетесь? Какое такое общество? – трясся очарованный отец.

– Народное, на добровольных началах. Я же вам человеческим языком объясняю...

– Сомневаюсь.

Волшебная женщина лучилась медовым сиянием.

– Не шутите, сядьте...

Отец опустился на бархатный стул, Ой-дк присел на кушетку.

– Вышла директива: в каждом районе организовать партию поддержки, в добровольном порядке, поголовно, – пела чудесным голосом фея, слегка покачивая витиеватой прической.

– Нет, это вы шутите...

Отец нетерпеливо заерзал.

– Я своих людей, как скот, ни в какую партию загонять не буду.

– Субсидии урежем.

– Опять двадцать пять!

– А что делать? Думаете, нам легко? Мы, между прочим, уже все члены. Это же формальность. Ну надо отчитаться области, знаете же, что выборы скоро, – улыбнулась волшебница, перебирая наманикюренными пальцами нотные листы.

Ой-дк не сдержался и лизнул шоколадную кушетку. Так

он и думал: сладкая. Стены выложены мармеладом, окна пропитаны сгущенным молоком.

– Комедия какая-то. Это как же я людям объясню, что в добровольном порядке они обязаны отдать свои голоса? Чушь! А если не захотят?

– А вы не спрашивайте. Вы же работодатель, – взмахнула она лебедиными руками.

Отец резко поднялся, но закачался на хрупком вафельному полу.

Комната искрилась карамельными огнями, источая заразные ароматы. «Где же орган?» – никак не мог понять Ой-дк.

– Идиотизм.

– А что делать? Вы же понимаете...

– Ничего я не понимаю!

Отец двинулся прочь, не оборачиваясь, тревожа сахарный воздух.

Ой-дк уходить не собирался. Он удобно устроился, сложил руки и счастливо улыбнулся пряничной фее.

– *Здравствуйте. Меня зовут Ой-дк,* – представился он.

Зефирное лицо скривилось, будто она съела обеденный лимон. Блестящие плечи передернулись.

– Мальчика своего заберите!

Ой-дк вырослел не по дням, а по часам. Он чувствовал нетерпеливый рост волос на макушке, и отец еженедельно возил его к парикмахеру. Пальцы ног пронзали новые носки в считанные дни, а рукава, сговорившись, безжалостно укорачивались. Зато Ой-дк возвысился над кроватью настолько, что теперь сам застилал ее покрывалом. Охотник даже дотянулся до верхней полки серванта, куда прятал тигра при малейшей угрозе своей жизни от фарфоровых когтей. Еще он освоил веник и добрался с ним до оранжереи. Ее давно пора было вычистить от слежавшихся снов.

Он тихо вошел, пряча веник за спиной. Пыль мирно плескалась о ножки стола. Беглые яблоки шептались под седым комодом. Бабушка спала в кресле, уронив голову на плечо, и верная шелковая тапка с помпоном дремала у крохотной ноги.

Ой-дк прокрался к окнам и открыл форточку, пуская осенние ветра в похрапывающую оранжерею. Затем отошел в угол, откуда всегда стоит начинать мести, и слился с тенью.

«Ээх+ прнбм! ххххх», – вдруг ударил ощерившийся веник, и вспугнутый рой пыли взлетел под потолок.

«Ээх+ прнбм! ххххх», – и еще раз!

«Ээх+ прнбм! ххххх», – и вон из комнаты!

«Ээх+ прнбм! ххххх».

«!ххххх».

«!ххххх».

Ой-дк разогрелся, закатал рукава и работал, не щадя ни

плесени, ни холода, ни себя. Облака клубились над столом и редели, уносимые ветром в форточку. Битые яблоки испуганной кучкой толпились у двери. Окна аплодировали ссохшимися рамами, сервант чихал, дребезжа мутным стеклом, каминная труба густо сморкалась.

«Ээх+ прнбм!»

«!xxxxx».

«Ээх+ прнбм!»

– *Эюй! т!* – вдруг вскрикнула бабушка, открыв птичьи глаза.

Комната вздрогнула, веник замер в полете.

Бабушка тонко чихнула и закрутила кукольной головой, оглядываясь.

– *Это ты, Ой-дк?*

– *Я,* – ответил он нерешительно.

Нечасто случалось, когда бабушка говорила. На его памяти – никогда.

– *Напылил,* – поежилась она. – *Уборку делаешь?*

Ой-дк кивнул, опуская веник.

– *Давно пора. Иди сюда, побалакаем.*

Он сел на табурет.

– *Конфет нет?* – любопытствовала она, причмокивая пустым ртом.

Ой-дк покачал головой.

– *Ты принеси – сладкого хочется. Наклонись, скажу что-то.*

Он наклонился к ее губам, только чтоб бабушка снова пальнула в ухо этим «Эюй! т». Узкие глаза загадочно сверкали.

– Я собрала чемоданы, – заговорщическим шепотом заявила она. – Уезжаю.

– Куда? – не понял охотник.

– В Эюй! т. У нас там домик. Не бог весть что, но отдельные комнаты и водопровод. А климат какой! Там всегда тепло и кожа молодая и упругая. Там воздух скрепит от густых ароматов и терпких звуков. Там все свои и такие милашки. Даже твой дед там не такой уж болван, как казался. Эюй! т, – горячо шептала она.

– Отцу не говори, – потрясла она пальцем, – а то я тебя не пущу. Приедешь и будешь стоять под дверью.

Ой-дк послушно кивнул. Очень ему захотелось в Эюй! т.

– А где это? – спросил он.

– А ты не знаешь?

Бабушка прикусила бледную губу.

– Придет время – узнаешь. Там трава тянется в сапфировое небо, там нет осени, там ждут меня, ждут, – лепетала она, сонно хлопая веками, пока голова снова не опустилась на плечо.

Вот так дела – обдумывал происшествие Ой-дк. Оказывается, есть сапфировый Эюй! т, где он никогда не был. Даже не знал, где это. Неизвестный остров на карте его мира.

Он потряс бабушку за плечо, но она уже спала. Тогда

охотник надел сползшую тапочку на холодную ногу и взялся за веник к разочарованию успевшей присесть пыли.

– Что ты хмуришься? Денег тебе мало?

Ой-дк незаметно пробрался в гостиную, сел на табурет и послушно вставил пальцы в уши. Ветра нынче сердитые, с громами, поэтому охотник спрятался за длиннополой ска-тертью. На столе его ждала тарелка с половинкой лимона, ко-торый по настоянию доктора он должен съесть вместе с кор-кой.

– Помолчи, не понимаешь ведь.

– Я не понимаю! А ты, значит, умный? Зажрался! Денег много, в политику полез! Кому нужны твои идеи? Живем, и ладно! И на том спасибо.

Отец колыхался в кресле, расстраивая взмыленные поло-вицы. Тетка по-рыбьи хлопала губами, гневно плевалась под ноги пустотой. Дурная баба. Но об этом Ой-дк ей не сказал – могла ударить.

– Что ты говоришь, Наташа? Разве мы живем? Мы как под колпаком, ничего не слышим и не видим. Дом без окон, без дверей, полна горница свиней. Не страна, а дом обреченных.

– – Ну и хорошо – спокойнее проживем.

– Нельзя так, как ты не понимаешь... Это нам, может, кол-хозникам, в глуши этой все равно. А детям нашим?

Кресло остановило бег, и Ой-дк, усердно крутя пальцами в ушах, на всякий случай выглянул из своего убежища.

– Что им, всю жизнь в страхе жить? Слово сказать нельзя, как не у себя дома, – отец завивал руками недовольные вихри. – Мы так скоро говорить разучимся. Как звери, выть и мычать будем.

– Ох, нарвешься ты, – давила тетка свое на половицы. – Знаешь, где у нас такие умные отдыхают? Поэтому заткнулся бы ты, а? Со своими убеждениями, пока нас тут всех не спалили в жопу!

Ой-дк засунул лимон в рот и начал отчаянно жевать, зажмурив глаза. Для большего эффекта, по совету лакированного доктора, он обхватил голову и забарабанил пальцами по затылку.

– Боже ты мой! Че те не сидится? Че те не сидится, я спрашиваю?! Не нравится – не слушай! Заткни уши, как придурок твой!

– Наталья, держи язык за зубами...

Комната напряглась, натужилась мыком, готовая вот-вот рвануть.

– Прибьют тебя – кто за глухарем смотреть будет? Я что ли? Щас, жди! Нужен он мне! Отдам его в детдом к чертовой матери... Так что ты, Димка, думай: не будь придурком – один уже есть. А то тебе быстро язык твой укоротят...

Когда Ой-дк открыл глаза, кислота капала с концов пережженных волос, разъедавая пол под нахохленной теткой. Он

закрасил овал тела в желтый, и она превратилась в кислую лимон. Ой-дк провел ногтем, разделив напополам: верхнюю половину на обед, нижнюю – в холодильник.

Воздух задрезжал фарфором и выстрелил в дверь, распахнув в осеннюю стужу. Комната страха опустела.

За окном плакал сад, роняя белый цвет на подоконник. «Зима, – вздохнул Ой-дк, проглатывая кожуру. – Время прятать зубы под подушку и сушить апельсиновые корочки». Пунктуальный зуб его старательно заныл и закачался.

А что если жениться? Рано или поздно, а скорее очень даже рано, ему придется признаться в окончательности и безоговорочности диагноза. И тогда поток щедрых выплат прекратится, и райские кущи надежд и кредитов Вадима Михайловича завянут, умаяясь до невообразимо унижительных размеров. Глядя правде в глаза, в стране колхозников и чиновников не разживешься. Как еще этот нашелся, затерянный среди болот и пущ рыцарь молочной индустрии, рапса и бураков. А может, это неплохая идея – спрятаться здесь, вдали от столичных волнений и безмолвных негодований? Затеряться среди полей и грядок с мясистыми помидорами. Вокруг лес сосновый, партизанами перерытый, земляника, грибы осенью, деревеньки с кучей народа до безобразия простого и покладистого, который надо кому-то лечить.

Дом крепкий, достойный. Это ничего, что баба страшная. Стерва, надо признать, отменная. Липосакцию сделать, подтяжки здесь и там, зубы новые, силикон, и будет еще та дюймовочка. А что? Надо обдумать.

Так бодро размышлял доктор, уплывая мыслями к вечернему горизонту и попивая дорогой коньяк в гостиной добротного дома. Колхозник и его сестра сидели тут же, размяченные алкоголем, и ненастойчиво бранились.

«С милой рай в шалаше, а с немилрой – во дворце», – обрабатывал себя доктор, поглядывая на вышедшее из берегов терпимости тело. Харибда. Скала. Богиня. Дубина.

«Таких баб надо брать нахрапом, – деловито рассуждал он, приятно удивляясь смелости своего сумбурного решения. – Хороший коньяк. Ошарашить, огреть по затылку пылкостью чувств, оглушить массу целлюлитную и не давать прийти в себя. Хватать за руку и просить отягченное липидами сердце. Тут же, при брате, грохнуться на колени и оказать ей честь, если уж на то пошло. А то так и помрет девой. Впрочем, – взглянув на нее, – все равно помрет девой. Разве что с силиконом...» А потом, как утрясутся страсти, станет доктор семьей, откроет новый счет в банке, заведет практику – и рубанет правду-матку этому колхознику. Что-нибудь вроде: «Он обречен, ничего сделать не могу. Глухота неизлечима».

«Впрочем, как и ваша слепота», – додумал он. Ведь это надо же быть таким валенком! Огромные деньги, прибыль-

ное хозяйство, а лезет на рожон. «Не в нашей стране, – налил доктор себе еще стаканчик. – Не в нашей стране, уважаемый. У нас голос имеет только Он и народ. А Он и есть народ. А народ – это коровник. Мыку много – дела мало. Да и мыку мало. А в коровнике дояркой – тоже Он. Доярец, то есть. Дояр, доярк...»

Доктор запнулся на неудобоваримой грамматике и потерял путеводную нить мысли, попахивавшей отменным коньяком.

«Не люблю молоко», – загрустил Вадим Михайлович, что было вполне понятно ввиду его лактозной непереносимости. Одним отчаянным глотком он допил алкоголь и решительно повернулся к женщине. И в это мгновение, как назло, расстроив его сумасбродный план, в комнату влетел хозяйский сын.

– Скажешь, где? – допытывался Ой-дк.

– Нет, – решительно пробил на бумаге орган. – *Вырастешь – сам узнаешь.*

– Я вырос, – обижался Ой-дк.

– Нет, – отрезал орган.

Охотник вздохнул, но спорить не стал.

– *Я тарелку разбил и не услышал. Нехорошо получилось.*

Покажи, пожалуйста.

– *Настраивайся: тональность «к».*

«Ъ\ъ\ъ\ъ\ъ\ъ \ь\ь\ь\ь\ь \ь\ь\ь\ь\ь\ь».

«1тттттт-з».

Он увлекся: слушал и записывал, записывал и слушал, слушал и...

«Эюй! т!» – окликнули его настойчиво.

– *Что это? Бабушка зовет?* – заволновался Ой-дк. – *Я пойду?*

– *Подожду,* – позволил орган.

Охотник поспешил в оранжерею.

Бабушка не спала. Белая, как бумага, голова ее слабо крутилась на морщинистой шее.

– *Вот ты. Садись,* – быстро зашептала она. — *Конфет нет?*

Ой-дк протянул пакетик карамели. Не забыл.

– *Разверни и положи бабуке в рот. Только не роняй на одеяло – сплывет. И себе возьми.*

Ой-дк сделал, как его просили, и бабушка зачмокала, прикрывая от удовольствия птичьи глаза. Наконец, запихав конфету за щеку, она повернула маленькую голову к внуку и заявила:

– *Все готово. Я еду.*

Охотник понимающе кивнул.

– *Насовсем.*

– *Не страшно?* – прошептал он.

– *Страшно, что не доеду,* – скривилась бабушка. – *А что делать, Ой-дк? Меня там ждут. Здесь я не нужна.*

У охотника навернулись слезы, он схватил узкую ладо-

шку.

– Ты не бойся, я тебе открою, но ты не торопись. Там надо прибрать, комнаты приготовить, чтобы много света, тепла, карамели, чтобы все красиво, как дома, – глаза ее светились, голова возбужденно тряслась.

– Посидим.

Внук хлюпал носом.

– Ой-дк! – вдруг встрепенулась она. – Тигра оставь в покое. Мне его еще твой дед подарил.

Охотник кивнул и покрепче сжал руку. Бабушка начинала клевать носом, глаза медленно закрывались. Карамель выпала изо рта и прилипла к одеялу.

– Эюй! т, – вдруг подмигнула она и крепко заснула.

Ой-дк подождал, пока половики успокоились. Стало совсем тихо. Он посидел на дорожку, затем накрыл бабушкины глаза яблоками, подоткнул плед под кукольные ноги, подбросил пару поленьев в огонь. Постоял в тускло освещенной оранжерее и пошел в гостиную, где собрались в немом ожидании семейные.

«Бабушка ушла», – объявил он с порога.

Ветра замерли. Все три, включая гладкого доктора, удивленно уставились на охотника.

Что ж, пусть будут все, согласился Ой-дк и повторил, не надеясь, что его поймут: «Бабушка ушла». Заметив, что воздух не шелохнулся и все по-прежнему смотрят на него с подозрением, он добавил: «В Эюй! т».

«Глухие, как пробки», – вздохнул он и ушел.

– Вы слышали?! Вадим Михайлович! Наталья! Вы слышали?! Что он сказал? Он сказал что-то! – Фермер вскочил с дивана и замесил ногами половицы.

– Да, – неуверенно протянул доктор, пытаясь осмыслить произошедшее. – Это китайская гимнастика.

– А черт его разберет, ляпнул что-то! Наверное, сам не понял, что, – хохотнула тетка, отхлебывая большими глотками коньяк.

– Он сказал! Слышали? Сказал! Слышали? Сказал! – приплясывал фермер.

– Я же вам говорил, – собирал лавры доктор, приходя в себя.

– А вы говорили: не слышит! Слышит! Еще как!

Отец подхватил сестру и потащил тяжелое тело по полу.

– Пусти, дурак! – смеялась она, закидывая голову. – Ты же танцуешь, как слон! Ей-богу!

– Он сказал, Наташка! Он слышит!

– Ну сказал, сказал! – сдалась тетка.

Оба хохотали, наступая друг другу на ноги.

– А давайте выпьем еще!

Алкоголь заструился в стаканы, искрясь радостью, которую не помнили в доме скуки с тех времен, как в Манечкиной комнате, пахнувшей апельсиновыми корочками, закончился сезон дождей.

«Жениться, что ли? – снова задумался доктор, но уже легче, потому как, похоже, случаются еще чудеса. – Тьфу-тьфу-тьфу... Обошлось», – порадовался высококвалифицированный специалист, доктор медицинских наук, мастер ухищрений в обогащении за чужой счет. На этом он углубился в размышления о метафизике языка и в итоге пришел к неожиданному выводу, что глупость на всех языках звучит одинаково, и почему-то загрустил.

«Слышит! Сказал! И что же он такое сказал?» – гудел дом этим вечером.

Ночью Ой-дк сочинил одну из самых очаровательных сюжетов о прекрасной земле Эюй! т. Там всегда весело, высокие травы тянутся в небо, и на каждом углу раздают вафли со сгущенкой.

Сюита 2

«В начале было слово»

– Добрый день, Янина Павловна. Я – Молчун.

– Что у вас?

– Сын.

– И у меня тоже. На каком курсе?

– Ни на каком.

– Абитуриент? Поступить будет?

– Может быть, если вы поможете.

– Так сразу?

– Не сразу. Как подрастет.

– Вы насчет репетиторства? Какой класс?

– Никакой.

– У вас точно есть сын?

– Да. Я уверен.

– Так что вам нужно? Говорите скорее, пожалуйста. У меня лекция.

– Вы нужны.

– Вы серьезно?

– Как у вас получится.

– Извините, вы нормальный?

– В каком-то смысле. Сын...

– У вас и сын такой же? Откуда вы?

– Из Чаши. Ферма Дмитрия Молчуна.

– А я думала...

– Откуда еще?

– Не важно. Что с сыном?

– Учить надо.

– А почему я? Прошу вас, давайте продолжим в коридоре.

Я опаздываю.

– Он молчит, то есть не разговаривает.

– Кто молчит?

– Да сын мой. Сын.

– Подождите, он глухонемой? Что же вы сразу не сказали?

– Нет, он нет. Не это. Мне не нравится это слово.

– А как вы определяете вашего Молчуна?

– Вот-вот, он молчит, но он не глухой.

– Слышит?

– Не уверен.

– То есть как это? Либо слышит, либо нет – третьего не дано.

– Вы приезжайте, пожалуйста. Сами увидите. Позанимайтесь с ним, прошу вас. Он очень умный мальчик.

– Сколько ему лет? Раньше занимался с преподавателями? Навыки чтения имеет?

– Сложно сказать...

– Простите, что повторяюсь, вы – нормальный? Либо да, либо нет.

– Ну, скажем, в обычном смысле – нет.

– А в необычном?

– Приезжайте, пожалуйста. У нас хорошо: бор, земляника, сад яблоневый, озера кругом, воздух свежий. Отдохнете, послушаете.

– Завлекаете?

– Я хорошо заплачу. Я – Молчун, Дмитрий Молчун. У нас там ферма.

– Я подумаю, Дмитрий Молчун. Когда вы хотите начать занятия?

– Когда вам удобно. У нас библиотека есть в деревне – моя жена много книг выписала. У нас хорошо. Приезжайте, прошу вас...

– Хорошо, Дмитрий. Давайте мы все после обсудим.

– Спасибо, Янина Павловна. Я буду очень благодарен, если вы согласитесь.

– Чаша, говорите?

– Да, Чаша.

<...>

– Вы еще тут? А почему на улице не подождали? Погода такая замечательная.

– Там тихо.

– Вам не нравится, когда тихо?

– Не совсем.

– Так в чем же дело?

– Очень тихо. Как на кладбище. Вы приедете? Я пришлю машину. У вас будет своя комната.

- Через три недели, после сессии.
- Спасибо. Вам понравится. Он очень умный мальчик.
- Не сомневаюсь. Скажите, Дмитрий, а почему я?
- Вас хвалят.
- Да? А я себя больше ругаю.

«Коса у меня была до пояса, вот такая толстая. Подружки завидовали. Мама каждое утро заплетала: поставит меня у окна и чешет волосы. Дом у нас был светлый, с широкими окнами, печкой красивой – еще отец ставил. Хороший дом. На самом краю деревни, до леса рукой подать. Там тебе и ягоды, и грибы, и белки. Соберемся так с девочками и пойдем с самого утра. Пустые никогда не возвращались. Я одна тоже ходила. Чего там бояться? Все свои, дорогу знала. Каждую сосну в лесу знала. Вот так пошла я раз, смелая, за опятами. Иду низко, высматриваю грибы, все вверх да вверх по склону. Далеко ушла, к самым холмам. Вокруг тихо, мрачно, даже комары пропали. Очнулась я, смотрю – а деревья черные, как головешки. И страшно. Мамочка Пресвятая Богородица, думаю, конец мне. И он голову из пепла поднимает, глазами злыми сверкает – на меня ползет, гад! Тут у меня, дуры, ноги отнялись: дрожь бьет, шагу ступить не могу. А он как полыхнет мне огнем в лицо – коса вспыхнула, брови, ресницы в пепел. Всю красоту мою сжег, сво-

лочь. Не голова стала, а котелок. Вся деревня потом издевалась. Ты слушаешь?»

Ой-дк переписывал ноты начисто, орган коротко хрюкнул, не отвлекаясь.

«Вот такая сказка, значит. Про змееву гору».

Голова затряслась на тонкой шее и упала на плечо.

«Это все?» – удивился Ой-дк.

Глаз ее приоткрылся, подмигнул хитро: «Интересно, значит».

Ой-дк развернул карамельку и засунул в хрупкий рот. Морщины заиграли на кукольном лице, стянулись узелком вслед за конфетой: «Не все».

«Поджарил меня, но жить оставил. Иди к своим, говорит, и скажи, чтобы боялись. Еще раз придешь сюда, говорит, всех спалю. Гад плешивый. Террорист. Я и побежала – долго уговаривать не надо». Она подпрыгнула и затопала тонкими ножками по полу. Эхо ее шагов отозвалось в коридоре, тревожа доски.

Все выжидательно посмотрели на дверь. Бабушка ойкнула, наспех повязала платок крестом на тощей груди, вскочила в кресло и вылетела на дугах в окно, бросив на прощание звонкий «Эюй! т».

Июль помахал ей шторами и состарился в холодные сумерки.

Дверь распахнулась, пропустив вперед пустую женщину. «Что это было?» – губы ее расплескивали тишину,

глаза ловили призраков в окне. Ее руки повторили вопрос, и Ой-дк поежился от жесткости прирученного языка. Павшие яблоки с помятыми боками и то умели лучше.

Она пришла сама в конце ночи. Утро зевало за ее спиной. Поздние тени повисли на ресницах. Пустующая женщина пошатывалась от тяжести черных церберных чемоданов, настороженно молчавших в руках. Отец помог ей подняться в дом хлопающих дверей, и она осталась. В отданной ей комнате поселилась толпа голодных вещей. Так что яблоку было негде упасть, и саду пришлось переехать обратно в оранжерею. Затем хлестким взмахом руки, под бурное удовольствие толпы она отсекла тянувшееся за ней шлейфом время и разложила по полочкам словари, готовая к наполнению.

Вначале она блуждала по коридорам и комнатам, пугаясь сквозняков, словно потерялась в сезоне туманов. Начало это длилось долго. Она была похожа на тумбочку, с которой ему пришлось иметь дело. Руки хлопали, впустую меня воздух, не производя существенного смысла или хотя бы ветра. На лице ее совершенно неслучайно отпечатался мутный круг от чьей-то чаши – выпили и оставили пустую тару клеймом на гладкой крышке. Она не понимала ни звука, ни запаха, ни намека на смысл. Заикаясь, молотила руками, отгоняя от себя последние сквозняки. Порожня тара. Елькленсосна.

И вот опять: распахнулась, больно хлопнув дверцей по ушам, и с порога заголосила, бросаясь косными мыслями. Охотнику пришлось выучить звериный язык, чтобы из-

мерить ее голод. Уже сколько лун и полдников живет она в доме, но по-прежнему избегает ветра – бережет свою пустоту.

– Что это было? – нетерпеливо повторила она.

Ой-дк ответил, но пустующая женщина всплеснула руками, не понимая.

– У тебя нет бабушки. Ты путаешь. Может, бабочка? – нервничали ее пальцы.

Ой-дк не обращал внимания на голодную резкость, продолжая с настойчивостью восточного ветра:

– А-озмэ юб-вореы.\=ао1 п\:-?ТВЫЬь 3...

Она быстро махала руками и повторяла, всухую шлепая губами:

– Бабочка, бабочка, бабочка.

Ой-дк терпеливо объяснял тональности вещей, переливчатость и подвижность их состояний. Женщина мяла воздух, пытаясь схватить ускользящие смыслы. Она никак не могла почувствовать их отсутствующую форму, со свирепой решимостью старалась нащупать слова, чтобы запрятать в клетку пальцев и приручить есть мысли с рук. Елькленсосна. Мастерица чучелок.

– Бабочка, бабушка, бабукж5, бажж5зв, бвэф2 е/Б=лэёь-пз8\в.

– Лучше! Уже лучше! – радовалась она.

– *Бабушка приходила из Эюй! т за конфетами.*

– Что такое ...? – зависали недоуменно руки, натолкнув-

шись на отсутствие прирученной формы.

– Эюй! т.

– ...?

– Эюй! т.

– ...

Я не знаю, что делать. Мы стоим на месте. Еле-еле, по слову в час. Он не хочет говорить. Говорит с трудом, будто ему лень. Я не понимаю, что я делаю не так.

Проблема не в нем – неправильных детей не бывает. Это значит, что все мои педагогические наработки, руководства, семинары по новой методике обучения правильных детей с осложнением слуха – коту под хвост. Зачем я сюда приехала?

Я не знаю, что делать, и это настораживает. Я не помню, когда последний раз не знала, что делать. Всегда знала. Когда замуж выходила и разводилась, когда позволила сыну уехать, когда зубами вырвала себе место на кафедре, когда на выборы ходила и не ходила, ругалась с ЖКХ из-за протекающей крыши, молчала в поддержку и против, когда отмазывала студентов от армии – всегда знала. А теперь мне хочется убежать. Убежать вслед за так называемым доктором.

Я спрашиваю себя: зачем ты сюда приехала, в эту глушь? Я спрашиваю: неужели ты сдашься так легко, без боя, Янина

Павловна? Что с тобой стало? Откуда эта слабость? Не заболела ли ты?

Все-таки этот дом подозрительно ненормальный. Для начала, здесь много сквозняков. Меня сквозит, словно я – раскрытое окно. Словно я – добропожаловать всем дождям и простудам. Я постоянно простываю, что даже неприлично. Ночью по дому не пройти – везде стоит стража, а на чердаке кто-то топчет и стучит, будто маленькими ножками так: та, та, та, та.

Ветры, ветры, ветры. Не дом, а мельница: все хлопают, орут, то появляются, то исчезают. А я привыкла к тишине. Хочется убежать. Хочется отхлестать себя по щекам за слабость и преждевременную истерику.

На улице то снег, то гроза на зацветающие вишни, то подсолнухи выпадают семечками в подмерзшую землю. И все за сутки. По слову в час. Зачем мне к пенсии такое мучение? Я ничего не понимаю. Или я сжалась, или все тут растянулось. Может, я действительно подцепила какую-то заразу? Воспаление оболочки совести, сотрясение эмоционального баланса?

Ненормальный, подозрительно ветреный этот дом. В два счета можно подхватить простуду. Что я и делаю, каждый час по слову. Я, кажется, повторяюсь. После обеда тут подают лимоны, мытые, разрезанные пополам, с кожурой, как некий деликатес. Говорят, это полезно для слуха и тонуса. А в оранжерее растут яблони.

Мой тонус опустился ниже некуда. Мне надуло ветром голову. И уши. Кажется, я теряю слух – странно, что лимонная диета не помогает. По ночам мне мерещатся звуки. Будто кто-то печатает на пишущей машинке: та, та, та, та... Кто-то ходит по клавишам маленькими ножками: та, та, та, та. Я даже знаю кто: мой ученик, с которым дела идут из рук вон плохо. Мы стоим с ним на месте. Еле-еле.

Методика не работает, я его не понимаю.

Из хорошего: чтение успокаивает. Как замечательно, что я взяла с собой книги. Знакомые строки ложатся бальзамом на мои страхи, готовят к старости, сглаживают шероховатости неудачных дней.

Зачем я сюда приехала?

После обеда начался сезон охоты на ветра. Охотник пометил флажками подозрительные места, запасся терпением, яблоками и залег в гостиной, известной своим непостоянством. У него появилась гипотеза о том, что ветра имеют голоса, различаются тембром, интонацией и продолжительностью, а потому вполне могут быть тем единственным способом общения глухих домочадцев – потрясением воздуха. Из уст в уста. Все же лучше, чем руками, на которых не так уж и много пальцев. Мысль эта крепла, пока не вылупилась в намеренность научиться читать с их губ, раз никто не мог

читать с его нот.

После пары яблочных огрызков вечер наполнил комнату, и воздух зашевелился.

Тетка, завернувшись в халат и воинственно скрестив на животе руки, посылала тучи в телевизор. «Я же говорила тебе, что доктор этот шулер. Так я ему и поверила, козлу. Сбежал, лох. Нужен он тут, как собаке пятая нога».

Отец мерз длинной, распушенной на рукавах тенью, кресло его молчало. На столе остывал нетронутый чай.

Под потолком хмурился холодный туман, отчего настроение у Ой-дк приблизилось к ртутному нулю. Но охотник не сдавался: время было убито и надежно похоронено под диваном, а потому спешить незачем.

«Ты, главное, молчи, Димка. Не лезь, без тебя обойдутся. Слышишь? Они там пошумят, и опять тихо будет». Теткин рот сжимался в скупую трещину, и, действительно, становилось тихо. Подмораживало, половицы ежились от близости зимы.

«Слышишь, ты? В рот воды набрал. Не лезь, еще раз говорю. И с райцентром не ругайся, а то молоко прокиснет к чертовой матери».

Воздух истощался, и комната сердито замолкала, пока тетка наполняла легкие бурей. «А с училкой этой что? Долго она тут столоваться будет? Толку от нее тоже никакого – деньги на ветер. Чего молчишь?»

Фермер без желания отвечал:

– Сама просила молчать.

– Вот валенок! – гневно топала женщина. – Я тебе когда говорю молчать?! Чего ты передергиваешь?

– Наташка, отстань, – отмахивался отец.

Глаза его старели под вымерзшими бровями. Зима тронула волосы. Он все больше сутулился и меньше говорил. То ли от нежелания, то ли по примеру чашенцев, предпочитавших малословие в холодную пору года.

Елькленсосна где-то пустовала. Возможно, снова заблудилась. Ой-дк мог ее привести, как делал раньше, но сейчас его больше интересовала температура гостиной. Он уже дотянулся до того возраста, когда понимают, что морозы и засухи в доме случаются неспроста. Правда, он не дорос до бритвы, но уже примерял ладонь к бритве, ожидая скорый прирост волос на лице. Недавно он попробовал залезть в апельсиновый шкаф и, к своему удивлению, едва в нем поместился. Старость приближается, понимал он. Скоро Ой-дк станет, как его отец, длинным и потертым от частых стирок. Он будет пахнуть коровьим молоком и сеном, и в него будут бросать сердито-трусливые взгляды в пряничном РАЙЦЕНТРе.

Часы маетным бегом напомнили о приближавшей темноте. Ой-дк поднялся включить свет.

– Когда этот час молчания начинается? – встрепенулась тетка.

– В девять.

– А не пошли бы они? – плюнула она злобно в телевизор,

кутаясь в халат.

Отец отодвинулся от окна, опустил шторы.

– Будешь молчать?

– И тебя туда же.

Стало холоднее. Ой-дк заволновался, не простудился ли дом от зябких дождей, щедро заливавших д. ЧАША с недавней поры. А началось все с душного собрания, после которого притихли ветра, предвещаая ранние заморозки.

Заседание было тесным от многих ртов, нагонявших румянец на стены, так что у Ой-дк, сидевшего за утепленными спинами, слегка закружилась голова. Со своего места он без труда ловил вибрации густого воздуха:

«Так, Дмитрий Петрович, мы ж это, нам как лучше».

«Главное, чтоб молоко было, комбайны чтоб не ломались».

«Кабы бабы давали!»

«Ой! Ты уж молчи!»

«И в магазине чтоб все!»

«Мы вам верим, Дмитрий Петрович. Вы лучше знаете».

«Только чтоб хуже не было!»

«А на референдум пойдем, не переживайте».

«А чего они хотят?»

«А ты спал?»

«Повторите, а?»

Отец поднялся, выдохнул, пробиваясь в массу тяжелого

воздуха:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.